

Владимир Леонов

Мятеж в моей природе...

Владимир Леонов

Мятеж в моей природе...

«Автор»

2025

Леонов В.

Мятеж в моей природе... / В. Леонов — «Автор», 2025

оттолкнуться от Тютчева «...волшебные думы, внимай их пению...»), рассуждения, направленные на развитие умственных просветительских приоритетов, самоутверждение и саморазвитие. Авторский материал обнимает целые области жизни во всех ее предельно выявленных контрастах, с особенной мифолого-исторической, отчасти -и с мистической, коннотацией. В контексте понимания семантического поля изложенного – это способ индивидуально-авторской интерпретации картины мира и отношение к нему выстроено сугубо человеческое: без едкого смрада, антропофагического зачатия и метафизической («кисейной») вычурной изнеженности: «Умей мечтать, не став рабом мечтанья, И мыслить, мысли не обожествив; Равно встречай успех и поруганье, Не забывая, что их голос лжив;» возникает интегрированная и грандиозная история Цивилизации как некоего непрерывного потока, широкими жестами отвоевывающего у забвения, зависти и уязвленности живописную аркадию радости, пропитанную ясностью ума и интенсивностью деятельности:

© Леонов В., 2025

© Автор, 2025

Владимир Леонов

Мятеж в моей природе...

«Мятеж в моей природе»

Вся мудрость житейская в одной истине, краткой, яркой, привлекательной: «Книга – ловушка, возможность уловить то, что ты жаждаешь настичь, постичь и понять».

Сент-Экзюпери.

И добавим, чтобы ее захотелось открыть и читать. Приведу здесь мнение Сократа (о Гераклите): «То, что я понял, превосходно. Думаю, что таково же и то, что я не понял».

Все течет, все меняется. Меняется жизнь. Меняются люди. Изнашиваются и вещи, и слова, и воспоминания... И вроде все хорошо. И ты не ханжа и не суевер... Но иногда так не хватает детства, юности. Той жизни. Тех людей. Друзей, что могли беззаботно радоваться и бескорыстно любить. Пройденных дорог. Безвозвратно ушедшего ослепительного дерзновения:

Ведь это было так давно

И где-то там, за небесами.

Куда мне плыть – не всё ль равно,

И под какими парусами?

Старый, древний мир – моя молодость – уходил в прошлое, его время кончилось. Годы унеслись, как будто с горки вниз спустился. Под сердцем легкая грусть порой щемит. И так хочется увидеть во сне созвездие Большого Пса с «собачьей звездой» Сириус, ощутить сладость древней легенды о том, что такой сон указывает на счастье, радость, любовь (по соннику Нострадамуса). Наша жизнь состоит из счастья и любви, и не быть счастливым и не любить – значить не жить:

И стало мне вдруг так больно,

Так жалко мне стало дня,

Своею дорогой вольной

Прошедшего без меня

Н. Гумилев.

Тебе говорили «нельзя». Но ты все же шел, ты подходил к вратам, везде слышал слово «Нельзя». Но на последних вратах было начертано «Можно». И на стыке эпох, под впечатлением эмоциональной прожигаемости, нахлынули потоком размышления и воспоминания, как «золотой дождь» в картине о Данае:

Среди бесчисленных светил

Я вольно выбрал мир наш строгий

И в этом мире полюбил

Одни весёлые дороги

Н. Гумилев

Великодушный Читатель,

мы впервые свидимся с тобой на страницах этой книги. Я представляю тебя истинным собеседником, человеком думающим и больше всего – добродетельным. Ты же поверь, мысли автора не лгут, слова не обманывают, ибо *«О стыд, ты в тягость мне!»*

О Совесть...» (Б. Пастернак). Мое намерение, с которым предлагается тебе текущее словесное собрание, ты поймешь по мере чтения... На этот случай используем древнее суждение: *«Стучите, да откроется вам»* – Библ. Прибегнем к мысли Пушкина о том, что приятны те, кто разделяет твои чувства...

Но скажу одно, в книге нет прославления, важности и нравоучения. Она не исчисляет погрешности и пороки, горести и несчастья, ей неуместно исправлять грубые нравы. Она лишь рекомендует спасительную опеку разума, равно направленная против

безнадежной усталости духа и заведомому «принижению» человеческого порыва к знанию.:

Не верил он любви, свободе,

На жизнь насмешливо глядел-

И ничего во всей природе

Благословить он не хотел – М. Лермонтов

И ходатайствует о восстановлении авторитета Художественного Слова и его благотворном влиянии на мир, рассеивающим туман пагубного неверия и лицемерия, чтобы человек был «...ко всякому доброму делу приговорен» – лат.

Она не озарит тебя молниеносным словом и не потрясет силой шекспировского вдохновения. Однако речь идет о деяниях громких, сильных и перспективных, культивирующих идеал личности безудержно деятельный, творческий, «фаустовский», который в борьбе эгоизма и любви, бушующей в нашем сердце, на стороне последней, ибо слабый человек думает о себе, а сильный и мудрый – о мечте... Хотя это сокровище – «Идеал» – хранится в «земных сосудах» (в человеке), несовершенных по своей природе, оно остается духовным свидетельством роста и развития, сильным и глубоким впечатлением самости и цельности личности: «Я с вами во все дни до окончания века» (Матф.) – говоря языком христианской аскетики.

Есть единственное, пребывающее в ладу ума и чувств, показать тебе зримый оком, современного Одиссея, по-мужицки работающего топором, чтобы построить собственный плот – личность, всяким размышляющую и разрабатывающую себя исключительным

сюзереном мыслей, идей и которая не возводит *«Сион кровью и Иерусалим – неправдою»*. Писал А. Экзюпери: «В основе всякой цивилизации лежит поразительный парадокс: человек уравнивает могущество толпы». Дополним советом Тибулла: *«В одиночестве будь сам себе толпой»*.

И наконец, книга заверяет тебя, дорогой читатель, в безнадежной победе добра над злом, правды над ложью, радости над печалью и любви над мстительностью и ненавистью. Уместен библейский текст: *«Слово стало плотью и обитало с нами»* – Библ.

В суждениях предполагается оптимальная величина и сюжетность. В них -только самые характерные эпизоды и только те слова, обойтись без которых невозможно. Это не сборник нравоучительных новелл, умных, но не интересных, без драгоценного макгаффена.

Текст насыщен и свтопроницаем, как первичная материя, с ларем идей и, несмотря на их разнообразие и всей своей познавательности и поучительности, закольцованных цельным содержанием и пирамидальным клиффхенгером, с точной привязкой к истории, мифам, библейской аскетике, с гремучей дерзкой смесью ереси и теологии, опостылевшей реальности и демиургической функции Воли Смысла (недаром для европейских и русских романтиков образ Демона оказался столь привлекателен, имея ввиду его дерзание поставить себя на место Творца).

С главным героем – самым знаменитым, самым толкуемым граффити во всей исторической вселенной: *«Познай самого себя»* – так было начертано на стене греческого храма Аполлона в Дельфах, где пророчествовала Пифия. За две с половиной тысячи лет короткая мысль не стала яснее, потому что каждый открывает ее для себя как в первый раз.

Ментальная крепость – отель души нашей, убеждения, от которых мы не отступим;

Встретиться с самим собой. Это не так-то просто. И – одновременно необходимо. Встретиться с самим собой важно: *«Лучше в мире нет звуков, чем похвала твоему Благополучию»* (из библейской хроники).

И у Зенона Китийского, основоположника стоической школы, рассуждавшего про ментальную крепость, про то, что все у человека можно отнять и только способность видеть мир, описывать его, выносить суждения и убеждения остается с ним (и умер он, затаив дыхание, ...)

Уплотним римским выражением: *«Я иду, потому что во мне тайны богов»*. И завершим уютной мифологемой Н. Гумилева:

Но я несу свой крест спасающий,

Примером мне является Христос.

- тот самый назаретянин, который нес на спине орудие распятия к месту своей казни-Иерусалимскому холму Голгофа, по форме напоминающего человеческий череп, череп первочеловека Адама.

Следуйте за своими мыслями, за своим умом. Живите *«у мысли стоя на часах»* (Тютчев). Будьте ее эскортом, а не охраной: *«Мы...не арестантский, а почетный при ней держали караул»* (Тютчев). Густав Флобер писал однажды: *«Пошли все к черту и самого себя, кроме своих мыслей»*.

Уважайте свой ум, он ваш малиновый колокольный звон. Дорожите им как таинством: «Мысль – бессмертное солнце в нас...напоминание о «райских куцах» – так считал А. Пушкин, которого Жуковский назвал, а император Николай I повторил, что беседовал с умнейшим человеком в России:

Великим быть желаю,

Люблю России честь,

Я много обещаю-

Исполню ли? Бог весть! – А. Пушкин.

А скверные отношения с собой (нежелание внутреннего общения) делают нас бездомными, говорил один буддийский монах. Похожий образ встречается в Библии: *«Что город разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим»*.

Рискуя попасть под бульдозер, которым славные мастера – критиканы (*«бессмертие свиноподобного размножения»*) укатывают все необычное и несхожее в плотный асфальт (*как он вознамерился хвалу себе напрочить!?*), выскажу маленькую надежду, (*и чем жизнь не балует!*), что представленное истинному читателю данное сочинение станет для него, пусть и не сегодня, а в дальнем концепте, когда придет время поиска знаний и добродетелей -настольным (*скажете – ну и замахнулся!*), чтобы мог он и знать и верить

ПРИТЧА

Некий царь, желая освободиться от всех посторонних влияний,

спросил совета у мудреца; тот ответил: «В сердце своем найдешь

освобождение». Но царь возмущился, отвечая: *«Недостаточно сердца, стража вернее»*. Тогда мудрец простился, говоря: *«Главное*

тогда не спи, Царь».

При написании одного малого сочинительства автор не покусился на самообольщение, лесть и ханжество, и помнил слова одного мудреца: кто желает отдаться морю, тот не должен на реке страшиться слабого волнения... И оставим мнение древних – если кто презирает малые вещи, тот никогда много разуместь не может (*«Бог кроется в мелочах...»*). Спроецируем, как «солнечным зайчиком», сияние, которое исходит от легендарного Буанороти:

– «Сидя под палящим солнцем, мальчик наблюдал, как молодой человек сосредоточенно откалывал куски от большой скальной глыбы.

– Почему ты делаешь это?

– Потому что внутри спрятан ангел, и он хочет выйти наружу»,

– ответил Микеланджело.

Всмотревшись в свою жизнь честно и непринужденно, я ужаснулся, увидев глубину своего заблуждения. Страх сковал меня! Неужели весь мир обратился в погоню за удовольствием и максимальной материальностью. *«Похоть плоти, похоть очей*

и гордость житейская» (библ.) – неужели только эти силы главенствуют в сознании большинства людей. Возможно ли, что они сжигают на жертвеннике своих порочных желаний больше средств, чем они жертвуют на милосердие... и жертвуют ли в принципе? И может их души уже не цветущие поляны, а *«были распаханы, как*

поле»?

Беспомощные, жалкие, бессмысленные и никчемные, мои мысли блуждали в мироздании, в спиритической темноте, в конспирологических изысканиях, способных только к саморазрушению и разрушать. Стыдно и неловко было признать, что далекие мои

предки позволили себе столь неразумную трату ресурсов и сил...

и признаться самому, что и ты такой же – по аналогии «яблоко от яблони падает недалеко».

Напоминал умствующего червя, с трудом переползающего тропу человека; мутированного ящера, не способного отличить ультрамарин от индиго... Пластиковый контейнер недоумоганий, горечи обманчивого забвения...

Казалось, невозможным было проделать работу по переоценке ценностей, познанию себя и *«выйти из среды их и отдалиться ...и не прикасаться»* (библ.); вырваться из оцепяющей действительности, мира вульгарности, бесполезных и вредных занятий,

очистить себя от гламурной накипи. Произвести обновление своей

«внутренней цивилизации», впитав в себя яркий свет Жизни:

Два мира есть во мне:

мир Христа и мир Мамоны,

мир Спасителя и мир Сатаны:

как мне вписаться в них».

(Мудрость времени).

Бледнели, словно в пастозном отеке, и напивались горькой микстурой мысли -бураны о том, что среди нашего суетного житейского моря, среди анафем, суесловий и славословий, зубоскальства, лукавства и слабостей, соловей -разбойничьего посвистывания Отечеству, всплеска безверия, бесчувственности, «канцелярской крючкотворной дружины» (Державин), когда наше важное серое вещество (мозг) зачастую портит нам настроение, показывая печальные результаты старения, усталости и присутствия примесей: «*Толпой угрюмой и скоро позабытой*»(-из Лермонтова), а наши мысль и слово, словно днище корабля, обросли ракушками банальностей, замедляя ход судьбы и стали бесцветным, как серая устрица, отчего сердце и жизнь яркую не узнает и не трепещет: «Жить для себя, скучать собой...»...фактически не верим в Мечту, поскольку не верим Мечте, – явите собой полезное и отрадно деяние, ибо только оно исцеляет человека от духовной немощи и душевных невзгод. И позволяет обозреть лица мира и оставить в нем чекан души своей, вместившей накопленный духовный опыт разных времён и народов, имеющих глубокое внутреннее родство:

Ведь это было так давно

И где-то там, за небесами.

Куда мне плыть – не всё ль равно,

И под какими парусами? – Н. Гумилев

Но ведь возможно все!.. раскрыть новый мир мыслей и чувств, передающих и состояние земной замороженности и близко физическому восприятие жизненного самозабвения. Еще в Библии сказано: «*Дух веет, где хочет*»:

Так же прадеды наши седые

Смерть встречали в лицо.

Чтобы сильные и молодые

Заменяли отцов.

И, как пушкинский Вальсингам, герой «Пира во время чумы», обрел «неизъяснимые наслаждения» к жизни, «настоящим», «счастливым днем», «...*ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним...*» – Новый Завет.

Они повергают душу в сладкие переживания – приходят воспоминания о том молодом, впервые пробудившемся чувстве, о юной красавице, взгляд которой, случайно встреченный тобой, затомил сердце; на них лежит яркий отблеск неувядающей строки Тютчева: «*И солнце медлило, прощаясь // С холмом, и замком, и тобой*». Они призывают не экономить на душе и искренности, быть

«неоскверненными» (библ., апост. Петр.) повышают октановое число кислорода в капиллярах, питающих сердце.

—

На мотивах поэтического муара, по аналогии с барокко,

подобно Караваджо, выхватывались из фона лица и эпохи,

тотально менялись декорации и нравы, будничная жизнь переплеталась буйволово-
кожей с золотым тиснением в жемчугах и изумрудах, растворялась в винах сплошь янтарных

и замирающих каденциях сладкозвучных напевов, на мраморных столах разбивались
кувшины с пьянящим напитком и выбрасывались золотые кубки, а гордый минуэт флирто-
вал, приглашая сладкоголосых фей весело отдаться своему насильнику.

Это была смелость. Его смелость вызывала неопиcуемый

восторг. В душе Пушкина и личной лире не было места расчету, лжи

и своекорыстия. В каждой строчке на читателя лился Божественный свет. И это...
Совесть, которой он позволил в поэтических текстах засверкать ярко, выразительно и убеди-
тельно.

Плоский век париков, камзолов и силуэтов... он камнем Полифема нависал над поэтом...
помянув, сам насмешничал над ними, но – не враги они были, он горестный зрак их рассмот-
рел, ремеслом словесным с души пыль стряхивал, к благодати и деяниям усердным возвращал.

Всё простили они, блаженные, порой не сведущие, но понявшие тогда и навсегда – он
не враг.

Ибо виднее их видел твое начало, Русь. А когда виднее начало, то суть ясней, доходчивей.

В чем – то был дерзок, что – то нарушил, в чем- то ошибся: страсть, гнев, неправильный
поклон:

Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,

Здесь рабство тощее влачится по браздам

Неумолимого владельца.

И уж Господь не выдавал, и чудище – «обло, огромно, озорно, стозевно и лайй» (то есть
государство) – не съело! Не ввели ни плахи, ни меча, ни кровожадной гильотины. Ни скопом

не казня, ни в одиночку... А невидимый палач лишь получал отсрочку.

Писал до последнего дня жизни. Не боялся, в ногах не валялся, бисер не метал. Работал.
Скрипело перо гусиное при сальной свече. Остывал вечерний травяной чай, заваренный

на листьях ежевики.

Слово и мысль и были его жизнью, то есть дух и душа, записанные буквами. Одинокий
голос человека, одинокая лира и – звуками ее была изумлена вся могучая гигантская Русь.

Она и вправду была ему рада, он в ее просторы заходил как само тепло, бесчувственность и холодность растапливая, улыбки добрые взыскивал. И много легче на Руси было...

В нем было не так мало от Бога, но больше – от народа и веры. Он владел колдовством. Переселял души в пророков, духов лесных, лешего, русалку, волка, и кота. Фразой своей понятно

говорил: «каждое творенье есть хвала порядку на Земле». Каждой строчкой помогал, они вольны были ослабить грубые житейские невзгоды.

Был счастлив, когда он приходил вечером сказкой в дома.

И видел, что тихо и уютно в русских избах, не украл никто покой и мир..., и шептал: «свиток мой читай...».

У штатского, миролюбивого добродушного Пушкина постоянная мучительная мысль – о Державе, Свободе. И только – не бунт, мятеж, кровь... христиане язычников бьют, а язычники – «крещенных», страна рушится под мечами и сапогами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.